

УДК 343.123(470+571)

DOI: 10.34670/AR.2026.53.95.034

**Процессуальное разграничение полномочий
по подследственности между СК РФ и МВД России
на досудебных стадиях уголовного судопроизводства**

Бордакова Анна Геннадьевна

Кандидат юридических наук,
Самарский государственный экономический университет,
443090, Российская Федерация, Самара, ул. Советской Армии, 141;
e-mail: Ansan12263@mail.ru

Горшкова Александра Андреевна

Самарский государственный экономический университет,
443090, Российская Федерация, Самара, ул. Советской Армии, 141;
e-mail: gorshkovaalex2004@mail.ru

Аннотация

В данной статье анализируется проблема разграничения полномочий между Следственным комитетом Российской Федерации и следственными органами Министерства внутренних дел Российской Федерации на стадиях дознания и предварительного следствия. Показано, что действующая модель процессуального распределения полномочий между следователем, дознавателем и органами дознания сохраняет нормативные противоречия, усложняет выбор формы расследования, порождает проблемы при принятии решения о возбуждении дела и передачи его по подследственности, производства неотложных следственных действий.

Для цитирования в научных исследованиях

Бордакова А.Г., Горшкова А.А. Процессуальное разграничение полномочий по подследственности между СК РФ и МВД России на досудебных стадиях уголовного судопроизводства // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 12А. С. 311-317. DOI: 10.34670/AR.2026.53.95.034

Ключевые слова

Подследственность, дознание, предварительное следствие, Следственный комитет РФ, МВД России, разграничение полномочий, уголовный процесс, ст. 151 УПК РФ, законность, правоприменительная практика.

Введение

Разграничение полномочий между Следственным комитетом Российской Федерации и следственными органами Министерства внутренних дел России в стадии досудебного производства неизменно остаётся одной из наиболее дискуссионных проблем уголовного процесса.

Формальное распределение дел между следствием и дознанием вводилось законодателем с целью упорядочить систему расследования, исключить дублирование функций, обеспечить процессуальную независимость следователя и усилить гарантии прав личности.

Основная часть

Развитие правоприменительной практики показывает, что границы компетенции между Следственным комитетом и МВД не выработаны окончательно, функции частично пересекаются, а механизм передачи материалов по подследственности не всегда действует эффективно.

В результате возникают ситуации, когда доказательства собираются органом, не имеющим полномочий вести расследование по конкретной категории преступлений, что ставит под сомнение законность полученных данных и может привести к отмене приговора.

Досудебное расследование в России осуществляется в двух формах – предварительное следствие и дознание [Данилов, 2019].

Первая форма закреплена в статьях 151 и 152 УПК РФ и проводится следователями Следственного комитета, органов внутренних дел, Федеральной службы безопасности и некоторых других структур.

Дознание применяется по делам небольшой и средней тяжести и осуществляется дознавателями полиции.

Подследственность определяется в зависимости от категории преступления, личности субъекта, места совершения деяния, а также связи нескольких преступлений между собой. Однако несмотря на то, что законодатель предусмотрел различные признаки подследственности, механизм их реализации остаётся противоречивым. Особенно остро проблема проявляется при производстве неотложных следственных действий и передаче материалов между ведомствами [Определение Судебной коллегии..., 2019].

Уголовно-процессуальный кодекс устанавливает, что следователь Следственного комитета принимает к производству дела о тяжких и особо тяжких преступлениях, преступлениях против государственной власти, правосудия, личности несовершеннолетнего, а также в отношении судей, прокуроров, следователей, адвокатов и иных специальных субъектов.

Органы внутренних дел ведут дознание по большинству иных составов, а также проводят предварительное следствие по ряду преступлений средней тяжести.

Однако на практике именно сотрудники полиции чаще всего первыми прибывают на место происшествия, возбуждают уголовное дело и проводят первоначальную фиксацию доказательств. Если позже выясняется, что преступление подследственно Следственному комитету, возникает вопрос о допустимости уже собранных материалов. Закон не содержит однозначного ответа, что порождает противоречивую судебную практику.

Согласно позиции В.А. Сметанниковой, подследственность не следует понимать лишь как техническое распределение полномочий. Она связана с обеспечением права на законное расследование и справедливое судебное разбирательство. Автор подчёркивает, что, если дело расследуется органом, не обладающим компетенцией, нарушается принцип законности, а принятые решения не могут считаться мотивированными [Сметанникова, 2019].

Аналогичного мнения придерживается А.В. Селютин, трактующий «подследственность как форму внешнего выражения распределения власти при осуществлении уголовного процесса» [Селютин, 2010]. Отступление от установленной законом компетенции фактически равнозначно процессуальной ошибке, которая может повлечь признание доказательств недопустимыми.

Сходная мысль содержится в работах Е.П. Шейкиной, предлагающей пересмотреть сам институт дознания. По её мнению, «существующее разделение расследования на дознание и предварительное следствие не отражает сути уголовного процесса» [Шейкина, 2023]. В обоих случаях необходимо установить обстоятельства преступления, собрать доказательства, соблюсти права подозреваемого и потерпевшего.

Автор предполагает, что институциональное разделение создаёт искусственные барьеры, затягивает сроки производства и усиливает зависимость дознавателя от прокурора и руководства органа дознания.

Предлагается ликвидировать штатное дознание, сохранив за органами внутренних дел функцию регистрации сообщений о преступлениях и возможность проведения упрощённого расследования по делам небольшой тяжести, передав основное расследование следователям.

Особо острые вопросы возникают при применении статьи 157 УПК РФ, регулирующей производство неотложных следственных действий.

Дознаватель или следователь органа, не обладающего компетенцией по делу, обязан провести допрос, осмотр места происшествия, изъятие предметов, задержание подозреваемого, если имеются основания полагать, что промедление может привести к утрате следов преступления. После выполнения таких действий материалы направляются руководителю следственного органа или прокурору. Однако на практике сотрудники полиции продолжают расследование и после проведения первоначальных мероприятий, стремясь собрать полный объём доказательств до передачи дела. Подобные действия выходят за рамки компетенции и вызывают споры о допустимости доказательств.

Судебные решения подтверждают, что нарушение правил подследственности приводит к признанию доказательств недопустимыми. Конституционный Суд в Определении от 26 октября 2017 года № 2278-О указал, что процессуальные действия, совершённые органом, не обладающим соответствующими полномочиями, не отвечают требованиям законности и нарушают гарантии справедливого судебного разбирательства [Определение Конституционного Суда..., 2017].

Верховный Суд придерживается аналогичной позиции. В определении от 16 апреля 2019 года № 5-УД19-38 подчёркнуто, что если орган дознания после выявления признаков состава, подследственного Следственному комитету, продолжает допросы, изъятия и экспертизы, то полученные материалы не соответствуют закону [Определение Судебной коллегии..., 2019]. Подобные доказательства не могут использоваться при постановлении приговора, поскольку получены с нарушением установленной компетенции. Суд указал, что передача дела должна быть незамедлительной с момента установления подследственности, а промедление или попытка завершить расследование силами дознания нарушает требования статей 151 и 157 УПК

Российской Федерации.

Примечателен пример из практики Оренбургского областного суда. В деле № 22-732/2019 суд отменил обвинительный приговор по причине того, что дознаватель отдела МВД провёл допросы и изъятие предметов по делу об умышленном лишении жизни, хотя подобное деяние относится к исключительной компетенции Следственного комитета [Определение Судебной коллегии..., 2019]. Судебная коллегия пришла к выводу, что должностное лицо действовало за пределами предоставленной законом компетенции, нарушив требования уголовно-процессуального закона. Все доказательства, добытые дознавателем после возбуждения дела по статье 105 УК, признаны недопустимыми, а материалы возвращены прокурору.

Встречаются и обратные ситуации, когда следователь Следственного комитета необоснованно отказывается принимать материалы либо затягивает возбуждение дела, ссылаясь на недостаточность собранных сотрудниками полиции сведений. Региональные суды указывают, что подобная позиция нарушает принцип своевременного реагирования и создаёт угрозу утраты следов преступления. В одном из решений Верховного Суда отмечено, что бездействие следователя при наличии данных о тяжком преступлении может рассматриваться как нарушение процессуальных обязанностей, влекущее дисциплинарную ответственность.

Таким образом, судебная практика демонстрирует: подследственность не следует воспринимать как формальность, поскольку от правильного распределения компетенции зависит законность собранных доказательств и устойчивость приговора при апелляционном и кассационном рассмотрении. Законность расследования определяется не только содержанием протоколов следственных действий, но и тем, уполномочен ли был орган на их проведение. Нарушение компетенции влечёт не только исключение доказательств, но и затягивание сроков производства, что ущемляет права потерпевшего и обвиняемого.

При анализе проблемы необходимо учитывать, что в действующей модели Следственный комитет осуществляет следствие, не располагая собственными оперативными подразделениями.

Для проведения розыскных мероприятий следователь направляет поручения в органы внутренних дел, которые обязаны выполнить их в разумный срок, однако не подчинены следователю административно.

Возникает парадокс: следование нормам подследственности требует передачи дела в Следственный комитет РФ, но дальнейшее расследование невозможно без взаимодействия с оперативными работниками МВД. Подобная зависимость затрудняет своевременное выявление подозреваемых, ведёт к задержкам при проведении обысков, выемок, допросов и способствует ведомственным конфликтам.

Устранение противоречий возможно путём расширения полномочий органов внутренних дел на стадии неотложных действий, что позволило бы сохранить баланс между оперативностью и соблюдением подследственности.

Е.П. Шейкина, напротив, считает, что сама система разделения на дознание и предварительное следствие нуждается в пересмотре, поскольку различия между двумя формами расследования не имеют решающего значения для защиты прав личности [Шейкина, 2023].

В.А. Сметанникова указывает, что ключ к решению проблемы заключается в создании чёткого алгоритма передачи материалов, где роль координатора должен выполнять прокурор, обладающий надзорными полномочиями [Сметанникова, 2019].

Все приведённые позиции позволяют сформировать вывод, что разграничение полномочий

между Следственным комитетом и органами внутренних дел нуждается в уточнении на законодательном уровне.

Представляется необходимым закрепить срок, в течение которого материалы передаются при установлении неподследственности, установить ответственность за его нарушение, определить перечень следственных действий, которые допускается проводить органу, не являющемуся компетентным.

Дополнительно назрела необходимость разработки единого электронного реестра, позволяющего точно отслеживать момент возбуждения дела, получения информации о его подследственности и передачи в нужный орган.

В долгосрочной перспективе возможны два варианта развития.

Первый предполагает сохранение системы разделения функций, но с её усовершенствованием и чёткой регламентацией действий каждого органа.

Второй вариант предполагает создание единой следственной службы, объединяющей следственные подразделения МВД и Следственного комитета, что позволит исключить споры о компетенции и создать единообразную практику расследования. Подобная модель требует изменения федеральных законов, но способна устранить системную конкуренцию ведомств.

Заключение

В заключение следует подчеркнуть, что разграничение полномочий на стадии дознания и предварительного следствия представляет собой не только технический вопрос распределения дел, но и значимый аспект обеспечения законности, прав человека и эффективности уголовного процесса.

Судебная практика показывает, что нарушение правил подследственности ставит под угрозу результаты расследования, ведёт к отмене приговора и возвращению материалов на дополнительное расследование.

Поэтому дальнейшее развитие уголовно-процессуального законодательства должно быть направлено на устранение пробелов, унификацию компетенции и укрепление взаимодействия между Следственным комитетом и органами внутренних дел, что обеспечит стабильность правоприменения и доверие общества к правосудию.

Библиография

1. Апелляционное определение от 12.03.2019 по делу № 22-732/2019 // Архив суда.
2. Данилов А. И. Отличительные черты предварительного следствия и дознания // Молодой ученый. 2019. № 51 (289). С. 84-86.
3. Мичурина О.В. Проблемы разграничения компетенции органов дознания при производстве неотложных следственных действий // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 1. С. 64–70.
4. Определение Конституционного Суда РФ от 26.10.2017 № 2278-О // Архив суда.
5. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 16.04.2019 № 5-УД19-38 // Архив суда.
6. Селютин А.В. Подследственность как форма выражения компетенции органов расследования // Пробелы в российском законодательстве. 2010. № 1. С. 172–174.
7. Сметанникова В. А. Проблема разграничения подследственности между органами следствия и дознания // Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики : Материалы XVI Международной научно-практической конференции. В 2-х томах, Тольятти, 19–20 апреля 2019 года. Том 2. Тольятти: Волжский университет имени В.Н. Татищева (институт), 2019. С. 157-162.
8. Шейкина Е.П. Организация предварительного следствия в Российской Федерации. Самара: СГЭУ, 2023. 45 с.

Procedural Delimitation of Jurisdiction between the Investigative Committee of the Russian Federation and the Ministry of Internal Affairs of Russia at the Pre-trial Stages of Criminal Proceedings

Anna G. Bordakova

PhD in Law,
Samara State University of Economics,
443090, 141, Sovetskoy Armii str., Samara, Russian Federation;
e-mail: Ansan12263@mail.ru

Aleksandra A. Gorshkova

Samara State University of Economics,
443090, 141, Sovetskoy Armii str., Samara, Russian Federation;
e-mail: gorshkovaalex2004@mail.ru

Abstract

This article analyzes the problem of delimiting authority between the Investigative Committee of the Russian Federation and the investigative bodies of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation at the stages of inquiry and preliminary investigation. It is shown that the current model of procedural distribution of powers between an investigator, an inquirer, and inquiry bodies retains regulatory contradictions, complicates the choice of investigation form, and creates problems when making decisions to initiate a case, transfer it by jurisdiction, and perform urgent investigative actions.

For citation

Bordakova A.G., Gorshkova A.A. (2025) Protsessual'noye razgranicheniye polnomochiy po podsledstvennosti mezhdu SK RF i MVD Rossii na dosudebnykh stadiyakh ugovnogo sudoproizvodstva [Procedural Delimitation of Jurisdiction between the Investigative Committee of the Russian Federation and the Ministry of Internal Affairs of Russia at the Pre-trial Stages of Criminal Proceedings]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (12A), pp. 311-317. DOI: 10.34670/AR.2026.53.95.034

Keywords

Jurisdiction, inquiry, preliminary investigation, Investigative Committee of the Russian Federation, Ministry of Internal Affairs of Russia, delimitation of powers, criminal procedure, Art. 151 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, legality, law enforcement practice.

References

1. Apelliatsionnoe opredelenie ot 12.03.2019 po delu № 22-732/2019 [Appellate ruling of March 12, 2019 in case No. 22-732/2019]. Court Archive.
2. Danilov, A. I. (2019). Otlichitelnye cherty predvaritelnogo sledstviia i doznaniia [Distinctive features of preliminary investigation and inquiry]. *Molodoi uchenyi*, 51(289), 84–86.

3. Michurina, O. V. (2018). Problemy razgranicheniia kompetentsii organov doznaniia pri proizvodstve neotlozhnykh sledstvennykh deistvii [Problems of delimiting the competence of inquiry bodies in the production of urgent investigative actions]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, (1), 64–70.
4. Opreделение Konstitutsionnogo Suda RF ot 26.10.2017 № 2278-O [Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of October 26, 2017 No. 2278-O]. Court Archive.
5. Opreделение Sudebnoi kollegii po ugolovnym delam Verkhovnogo Suda RF ot 16.04.2019 № 5-UD19-38 [Ruling of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of April 16, 2019 No. 5-UD19-38]. Court Archive.
6. Seliutin, A. V. (2010). Podsledstvennost kak forma vyrazheniia kompetentsii organov rassledovaniia [Investigative jurisdiction as a form of expression of the competence of investigative bodies]. *Probely v rossiiskom zakonodatelstve*, (1), 172–174.
7. Smetannikova, V.A. (2019). Problema razgranicheniia podsledstvennosti mezhdu organami sledstviia i doznaniia [The problem of delimiting investigative jurisdiction between investigative and inquiry bodies]. In *Tatishchevskie chteniia: aktualnye problemy nauki i praktiki: Materialy XVI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. V 2-kh tomakh, Togliatti, 19–20 apreliia 2019 goda. Tom 2* (pp. 157–162). Volzhskii universitet imeni V.N. Tatishcheva (institut).
8. Sheikina, E. P. (2023). Organizatsiia predvaritelnogo sledstviia v Rossiiskoi Federatsii [Organization of preliminary investigation in the Russian Federation]. Samara State University of Economics.